

На следующий день в спальне Осеннего двора Тан Линъи с мягкой улыбкой сидела на кровати. Она ждала, когда ей поднесут ложку с лекарством, и послушно проглотила его, открыв рот.

Чжэн Цзюньсинь, увидев, что «большая серая волчица» всё ещё улыбается, разозлилась, но не посмела швырнуть чашку в порыве гнева. Ведь это было лекарство, спасающее жизнь её А-Лин.

Чжэн Цзюньсинь надула щёки, зачерпнула следующую ложку лекарства:

— Пей!

Тан Линъи хотела посмеяться, но промолчала.

Хунмэй уехала из горной усадьбы, а Тан Линъи заболела и нуждалась в уходе. Чжэн Цзюньсинь естественно предложила присмотреть за А-Лин, и та, с лёгкой улыбкой, кивнула.

С тех пор Чжэн Цзюньсинь временно поселилась в Осеннем дворе, разделяя с Тан Линъи трапезы и постель.

Сначала всё шло хорошо. Днём Чжэн Цзюньсинь вовремя кормила её и давала лекарство, поила водой, даже если та не хотела. Она утверждала, что лекарь сказал, что пить больше воды полезно для здоровья. Нельзя же игнорировать слова лекаря, поэтому Тан Линъи выпивала всё залпом, после чего издавала звук насыщения.

Помимо лекарства, нужно было наносить мазь на глаза. Чжэн Цзюньсинь осторожно наносила лекарство на веки, а затем меняла повязку.

После этого дел больше не было, и Чжэн Цзюньсинь оставалась рядом с Тан Линъи, никуда не уходя, просто смотря на неё. Даже будучи слепой, Тан Линъи чувствовала жар этого взгляда.

Наконец, Тан Линъи не выдержала:

— Туаньтуань, давай поговорим?

— Хорошо, я люблю разговаривать!

И продолжала смотреть.

— Ты когда-нибудь задумывалась, как бы всё было, если бы твоя семья не бросила тебя? — спросила Тан Линъи мимоходом.

— Ну... если бы они не бросили меня, но ведь они уже это сделали. Самым лучшим человеком в моей жизни является А-Лин, А-Лин — моя семья! Больше никого нет.

— А ты думала о том, как выглядят твои родители?

Звон бубенчиков, Чжэн Цзюньсинь схватила одеяло и слегка потянула его на себя:

— Я видела родителей Сяо Хун. Они живут в городе и часто приносят много вкусного, чего я никогда не видела и не ела. Я надеюсь, что мои родители тоже принесут мне много вкусного, не будут бить и ругать меня, а прогонят всех, кто обижает меня и А-Лин!

— Ты такая милая и послушная, уверена, они бы тебя очень любили и приносили бы много вкусного, возможно, именно так, как ты представляешь, — продолжила Тан Линъи, подыгрывая ей.

— А-Лин, ты ведь не хочешь меня отправить прочь? Я не хочу уходить, не хочу покидать тебя,
— Чжэн Цзюньсинь, испугавшись, что А-Лин действительно может её отправить, поспешила выразить свои чувства.

— Нет, я просто думаю, может, у твоих родителей были причины бросить тебя? Может, они не хотели этого, но обстоятельства вынудили их. Если бы это было так, ты бы всё ещё злилась на них?

Чжэн Цзюньсинь серьёзно задумалась над словами Тан Линъи, но в конце концов покачала головой:

— Не знаю. Я только знаю, что мне очень больно от того, что они меня бросили. Здесь, — она указала на сердце. — Я больше ничего не знаю, не чувствую. Прости, А-Лин.

Чжэн Цзюньсинь почувствовала вину.

— Не переживай, не только ты. Даже если бы со мной случилось такое, я бы, возможно, тоже не знала, что чувствовать. Это я задала неправильный вопрос, это я должна извиниться. Прости, Туаньтуань.

Туаньтуань не может думать о правильном и неправильном, как обычные люди, и не может воспринимать эмоции, как они. Какой же бесполезный вопрос она задала! Тан Линъи хотела дать себе пощёчину.

Иногда, привыкнув к её смеху и поведению, легко забыть, что она девушка с умственными ограничениями. И по сравнению с другими людьми с подобными проблемами, она обладает довольно высоким интеллектом.

Поэтому Тан Линъи иногда сомневалась, не притворяется ли она. Но сразу же отвергала эту мысль, ведь если бы она действительно что-то замышляла, то в те дни, когда её тошнило, в комнате никого не было, и она могла бы сделать всё, что угодно.

К тому же они часто оставались наедине, и если бы она хотела что-то найти или поймать её, у неё было бы множество возможностей. Но она ничего не делала. Более того, ради неё она даже дралась и получила ранения.

И самое главное — у неё не было никаких боевых навыков. Кто бы послал безоружного человека против неё? Это было бы нереалистично.

Она привела мысли в порядок, а Чжэн Цзюньсинь рядом сказала:

— Хахаха, мы обе сказали «прости», значит, мы с тобой «сердца, как у носорогов»?

— Пфф! «Сердца, как у носорогов»? Ты имела в виду «сердца связаны невидимой нитью»? — Тан Линъи, услышав её неправильное использование идиомы, не смогла сдержать смеха.

— О, так это «сердца связаны невидимой нитью»? Я не знала, как читается иероглиф «лин», — Чжэн Цзюньсинь рассмеялась, совершенно не обратив внимания на извинения Тан Линъи.

— А что ты ещё выучила за это время, какие идиомы запомнила? Расскажи мне, — Тан Линъи заинтересовалась.

— Много! «Всем сердцем», «тройная мысль», «по сердцу», «искренность»... — Чжэн Цзюньсинь

стала перечислять, загибая пальцы.

— Подожди, — Тан Линъи поняла и рассмеялась. — Почему все идиомы связаны с «сердцем»? — в её голосе звучала лёгкая ирония.

— Потому что я хочу запомнить идиомы, в которых есть наши с А-Лин имена. Мне очень радостно, что в этих идиомах есть наши имена. А-Лин, тебе это нравится? Если нет, я больше не буду их учить.

Чувствуя движение воздуха, лёгкий аромат османтуса от девушки смешивался с её собственным, становясь более насыщенным, но не резким. У девушки, должно быть, был ещё один такой же ароматический мешочек с запахом османтуса.

Но Тан Линъи чувствовала, что аромат османтуса от Туаньтуань отличался от её собственного, иначе почему её так тянуло к её запаху?

Чжэн Цзюньсинь, следуя знаниям из книг, измерила ей температуру тыльной стороной руки и мягко сказала:

— Отлично, уже не такая горячая.

Через некоторое время после того, как рука отошла от её лба, место, где её коснулись, всё ещё оставалось прохладным, но вскоре рука снова вернулась.

— Температура почти такая же, как у меня. А-Лин, не бойся, через несколько дней всё пройдёт!

Чжэн Цзюньсинь радостно сообщила ей. Тан Линъи заговорила, но задала совершенно неожиданный вопрос:

— Этот аромат османтуса — он нравится тебе или твоей сестре?

Ранее она слышала, как Туаньтуань упоминала, что в детстве её продали в публичный дом под названием Павильон Шичунь, где многие девушки, как и она, были проданы, включая её сестру Юй-нян.

Хозяйка Павильона Шичунь сначала заставляла Чжэн Цзюньсинь выполнять грязную работу, но однажды, когда её ругали за ошибку, она встретила Юй-нян, которая взяла её под своё крыло и время от времени учила её некоторым вещам.

Чжэн Цзюньсинь ещё не всё понимала, но Юй-нян заставляла её запоминать. И даже угрожала лишить её любимого острого кроличьей головы:

— Если не запомнишь, больше никогда не сделаю тебе острую кроличью голову!

Маленькая Чжэн Цзюньсинь жалобно застонала и поспешила согласиться, боясь больше никогда не попробовать любимое лакомство.

Позже, в ночь, когда её должны были представить клиентам, Юй-нян исчезла, а Чжэн Цзюньсинь была выгнана хозяйкой из Павильона Шичунь. В тот же день, стоя у входа, её ударили по голове, и она потеряла сознание, после чего её увезли.

Тан Линъи предположила, что эта «Юй-нян» сбежала, но не смогла взять Туаньтуань с собой, планируя вернуться за ней на следующий день. Но кто-то опередил её, выкупил Туаньтуань, и

она исчезла, так и не забрав её.

Побег Юй-нян был ожидаем, ведь большинство девушек были проданы против своей воли. Но кто выкупил Туаньтуань? Зачем? И, опустив глаза, Тан Линъи задумалась: действительно ли родители Туаньтуань умерли? Кто их убил? Где сейчас Юй-нян...

— Аромат османтуса нравится мне, и Юй-нян сказала, что османтус также успокаивает, поэтому она дала мне полный мешочек, — внезапно заговорила Чжэн Цзюньсинь, прерывая её мысли.

Хорошо, что она знает и другие идиомы, а не зацкливается на одном.

— Неудивительно, аромат османтуса действительно приятный, — искренне похвалила Тан Линъи.

Авторское примечание:

Счастливого Дуанью заранее, мои хорошие! Завтра уже праздник Дуанью, вы уже попробовали цзунцзы?

<http://bllate.org/book/16867/1554156>